

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Е.В. ХЛЫЩЕВА

Идея культурного плюрализма появилась еще в XIX веке, однако должного методологического обоснования она не получила до сих пор. Хотя поиски новых решений и методов, более адекватных сложному миру современной культуры, ведутся достаточно активно. В современной культурологии широкое распространение получила концепция диалогизма (Э. Уолл, М. Бахтин, В. Библер), основанная на ситуациях, в которых невозможно постоянное преобладание какого-либо одного дискурса над другим. Теория диалогизма выявляет, до какой степени любой человек, вступающий в социальное взаимодействие с другим человеком, не может себя отделить от другого и его дискурса. Но существуют в данной теории и некоторые ограничения, которые проявляются как в реальной сфере диалога в межкультурных коммуникациях, так и в преодолении субъектно-объектной противопоставленности при его помощи. Иными словами, диалогический подход, будучи важным аспектом изучения Культуры Другого, не может ответить на все вопросы, связанные с культурным многообразием современного мира.

Наш век создал новую парадигму, которая выражена категорией «мультикультурализма» и означает теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ¹. Мультикультурализм провозглашает политику перехода от политики «включения» индивидуальных и групповых различий в более широкие структуры к политике «признания» их права на существование в качестве иных. Мультикультурное сознание – сознание диалогичное. Но чтобы вступить в диалог с другим типом сознания, культура должна допускать внутри себя полифонию разных голосов, не отторгать их как все «инаковое». Поэтому диалогическое сознание предполагает, что инациональное может войти как ценностно значимое в национальный менталитет.

В процессе культурного взаимодействия происходит осознание множественности культур, многообразия мировоззрений и возможности разных оценок одного и того же факта носителями разных культур и вероисповеданий. В антиномии Свое/Чужое сфера «Чужого» расширяется, вследствие чего «Свое» воспринимается менее масштабным и более хрупким по отношению к Чужому. Это приводит одних носителей данной культуры к «охранительству», стремлению оградить ее от угрожающе разросшегося в их сознании «чужого», а других — к «новаторству», стремлению укрепить Свое за счет привнесения в него элементов Чужого. В обоих случаях встает вопрос о разграничении Своего и Чужого. Но даже достижение некоторой конвенции относительно такого разграничения не устраняет ценностной несостыковки между разнонаправленными мировоззрениями «охранителей» и «новаторов».

Практически все исследования последних лет, посвященные проблеме понимания различных культур основаны на том или ином отношении к Другому. Можно выделить три основных направления в изучении «Культур Другого», которые условно назовем эволюционизмом, релятивизмом и универсализмом. В первом «Чужие» культуры предстают как ранние стадии в развитии общей модели. Здесь «своя» культура становится критерием, точкой отсчета на шкале развития. В конечном итоге это приводит к этноцентризму, к тенденции предполагать, что собственная культура и образ жизни являются более совершенными, чем все остальные, которые рассматриваются как «отсталые», «неразвитые». По теории универсализма, разнообразие и различие в культурах — всего лишь видимость, и цель исследования — в выявлении глубинных структур, чтобы констатировать общечеловеческие универсалии во всех сферах культуры.

С точки зрения универсалистов противопоставление культур (Восток/Запад, Свой/Чужой) носит лишь формальный, но не сущностный смысл. Имея общую глубинную структуру, обе стороны объединены подлежащей концепцией универсальности человеческой культуры и выступают лишь как вариации формы. В конкретных исследованиях культур универсализм выражается в построении общекуль-

турных моделей и концепций, объединяющих элементы различных историко-культурных общностей. Релятивизм, напротив, признает за каждой культурой абсолютную равноценность, право на самобытность и несоизмеримость с какой-либо другой культурой. Здесь различные культуры фундаментально отличаются как друг от друга, так и от культуры исследователя; всем им присуща внутренняя когерентность, которую, с одной стороны, можно понять, но, с другой — нельзя судить. Релятивисты ставят своей задачей сохранить неприкосновенность культурных и человеческих различий и установить «со-равенство» различных жизненных стилей. Исследования этого направления проводятся в соответствии с двумя правилами: правилом «контекстуализации» и принципом «произвольности». Первое предполагает изучение точки зрения Другого, второе — что носители разных культур могут воспринимать и оценивать одни и те же явления феноменального мира по-разному, что предполагает условный характер когнитивных процессов.

Релятивистский подход основывается на принципе культурного плюрализма, что во многом соответствует современной культурной картине мира, в которой на сцену выступило большое количество ранее неизвестных или малоизвестных культур. Изучение Культуры Другого в рамках релятивизма позволяет представить модель культуры, совершенно не похожую на нашу собственную.

В постмодернистских теориях этот принцип абсолютизируется, доходя до бесконечного фрагментирования мира культуры. Проблемы, возникающие в данном методе, связаны как со «способностью» культур к «переводимости» и с проблемой понимания Языка Другого, так и с собственно позицией исследователя. Ведь «переводчики» должны непосредственно передать самый Дух Культуры Другого на чуждый для нее язык. Поэтому преобладающим методом исследования, основанного на принципах релятивизма, является герменевтический, интерпретативный подход, стремящийся к пониманию смысла текстов, произведений искусства, ритуалов и других явлений культуры. Этот метод предполагает знание культуры изнутри, с его помощью идет реконструкция внутренних смыслов культуры, что дает воз-

мжность их перевода на язык другой культуры. Это как бы процесс «принятия Роли Другого», который в исследованиях получил название «включенного наблюдения». Последнее время возрастает значение метода «эмпатии», который, по мнению исследователей, дает возможность создавать эффективную коммуникацию между индивидами (культурами), у которых нет ничего общего. Это служит объяснением неоднозначности интерпретации, которая, в данном случае, не отделяется от восприятия. Так как одни и те же эмпирические качества могут принимать различные значения в зависимости от рассмотрения различными индивидами, любая универсальная интерпретация действительности, в том числе и научная, отрицается, уступая место множественности смыслов.

Современный взгляд на мир культуры как плюралистический меняет методологические основания исследования в области типологии культур. На смену традиционным «триадам» и «диадам» приходят новые методы, не претендующие на всеохватность, а скорее направленные на решение той или иной конкретной исследовательской задачи. Поэтому невозможна «объективная» классификация культур, каковыми они являются на «самом деле». Это связано и с преодолением иллюзии о «возможности представить культуру как целое». При сравнении культур всегда выбираются какие-то характеристики, которые обосновываются как значимые при типологии объектов в связи с решением определенной задачи.

Человеческому менталитету свойственно бинарное мышление, что накладывает свой отпечаток на видение окружающего мира и религиозные убеждения, на этические принципы и эстетические оценки. Дуализм мышления проявляется в культуре в виде устойчивых ментальных конструкторов типа «Свой/Чужой», «Традиция/Современность», «Запад/Восток». Именно эти оппозиции служили одним из главных принципов изучения Культуры Другого, какие имена не получал бы этот «Другой» — Восток, традиционное общество, архаическая культура и т.д.

Радикальные изменения последних десятилетий показывают тенденцию к отказу от субъектно-объектной дуаль-

ности в пользу культурного плюрализма. В названиях различных исследовательских проектов в последние годы звучат термины «диалог культур», «диалог цивилизаций», основанные на принципах толерантности. Глобализационные процессы современного мира привели к росту осознания как отдельными людьми, так и социальными группами своего места в окружающем пространстве, прежде всего в системе социально-экономических, этнических, культурных и межконфессиональных отношений. Процесс подобного осознания всегда осуществляется через сопоставление ценностей и целей индивида или социальной группы с целями и ценностями иных индивидов, иных социальных и этнических групп, иных культур и вероисповеданий. Этот процесс неоднозначен. Он может сопровождаться усилением в массовом сознании ксенофобии, этнофобии и т.д. как реакции на встречу с «Чужим», что, как правило, сопровождается ростом неприязни, дискриминации и национализма. Тем самым, в многонациональных государствах реально существует угроза нарастания межэтнической, межконфессиональной, социально-экономической и даже политической нетерпимости.

Различные формы нетерпимости нередко используются экстремистскими движениями, искусственно разжигающими национальную, религиозную рознь и социальные конфликты в обществе. В таком контексте представляется необходимым воспитание особого восприятия «иной» культуры, не считая ее хуже, ниже по своему развитию, а просто «другой», которую надо понять и принять в целях осуществления мирного диалога.

Каждая культура представляет собой определенные структуры повседневности: специфические навыки, умения, характерные модели поведения и взаимодействий. В ней присутствуют свои культурные практики — виды деятельности, в отношении которых существуют нормативные ожидания. Через переживаемые события повседневной жизни, виды деятельности, ситуации, контексты и пр. вырабатывается культурная привычка поведения. В одних культурах более всего ценится индивидуализм, самостоятельность, активность, в других — коллективизм, послушание, подчи-

нение. Нормы формируются и существуют внутри каждой культуры. И усвоение культуры, так же, как и усвоение родного языка, протекает на досознательном уровне, через погруженность в межличностные ситуации.

Следует иметь в виду, что культурные границы не всегда совпадают с этническими. Индивиды могут относиться к одной этногруппе, но не разделять ее культурной самости, или наоборот, будучи отличным по этнической принадлежности, принадлежать к одной культуре.

Культурные различия часто устанавливаются и провозглашаются в политических целях, либо для акцента межэтнических различий. Но излишняя психологизация этноса, объяснения конфликтов категориями фундаментальных ментальных различий и «национальных характеров» разных этносов приводит к неадекватному восприятию этнического. В результате, нормальная идентичность замещается гиперпозитивной (этноцентричной, и даже фанатичной), когда этнос консолидируется через самоутверждение и проповедь исключительности. Иными словами, национальная идентификация становится своеобразным следствием «агитации» по формированию национального самосознания

Создается определенный стереотип «национального характера», и человек «кодируется» с помощью стереотипных образов. И, что особенно важно, эффективность такой практики не зависит от того, насколько эти образы соответствуют действительности. Такой процесс довольно давно идет в политической сфере, и именно в политических интересах создается этнический стереотип восприятия того или иного народа.

В реальности индивид идентифицирует себя не только по этническим признакам; иногда этничность может находиться и на периферии личностной мотивации. Значение этнической идентификации ситуативно.

В повседневной жизни этнический аргумент во многом спекулятивен. Возможно ли описать «межнациональные отношения» на примере студенческого, преподавательского коллективов университета, покупателей в магазинах, соседа по лестничной клетке? На уровне человеческих отношений будет просто неприличным унижать другого из-за

этнической принадлежности. Но, почему-то, именно этническое различие приемлемо на уровне академических теорий.

А потому встает вопрос о выработке способа, позволяющего решить проблему межкультурного, межнационального взаимодействия без силовых действий и экономических санкций. Таким на сегодняшний день видится принцип толерантности, основные положения которого были декларированы ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.

Следует согласиться со справедливостью многих положений данной Декларации. Действительно, эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира, а потому взаимопонимание необходимо находить не только на уровне политического общения, но и в обыденной жизни, формируя уважения к самобытности представителей различных культур и конфессий.

В России в 2000 г. была подписана Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (Национальная стратегия содействия становлению гражданского общества). Программа ставит целью формирование и внедрение социальных норм толерантности, определяющих устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп в различных ситуациях социальной напряженности. Одновременно в Доктрине информационной безопасности РФ в числе главных угроз развитию российского общества называлась «неспособность современного гражданского общества России обеспечить формирование у подрастающего поколения и поддержание в обществе общественно необходимых нравственных ценностей»².

В ходе реализации программы по формированию установок толерантного сознания основное внимание было уделено трем направлениям:

- 1) организации мониторинга социальной нетерпимости и напряженности в различных социальных группах и районах;

- 2) разработке эффективных технологий формирования социальных норм толерантности;

- 3) созданию пилотных центров толерантности и социальной безопасности как опорной сети Программы.

В числе предпосылок социальной напряженности в обществе были названы:

- рост социального разнообразия общественной жизни и сложности процесса принятия решений о месте личности в системе социальных, религиозных, национальных, политических отношений;

- неопределенность ценностей и социальных установок на уровне личности и социальной группы;

- рост гипермобильности населения; возникновение в обществе стереотипов восприятия проявлений жестокости, этнофобии, ксенофобии как привычной социальной нормы;

- активное распространение манипулятивных технологий формирования установок «свои/чужие», конструирование «образа врага», использование СМИ для раздувания неприязни и т.д.³.

Данные опроса показали, что наиболее высокий уровень проявления нетерпимости наблюдается в местах стихийного скопления людей: на улице, в транспорте, в местах проведения массовых зрелищ. Конкурируют с этим в проявлении нетерпимости средства массовой информации и даже сфера семейной жизни. Особого внимания требуют подростки, национальные меньшинства и мигранты. Интересен и тот факт, что достаточно высок (28,2%) процент подростков, относящихся индифферентно ко всем этим проблемам. Данный факт настораживает и заставляет задуматься о системе воспитания ценностной основы в обществе.

Однако решения, принятые по данному исследованию, больше похожи на общие советы и не направлены на решение практических задач по устранению напряженности, которая сложилась в обществе. Вообще современным явлениям культуры свойственна размытость и нечеткость противоположностей. А для России с ее множеством этнонациональных и региональных культур, отношения между которыми болезненно обострились, проблема межкультурных взаимодействий очень актуальна, она не может быть удовлетворительно решена ни политическими, ни экономическими, ни силовыми методами. Речь идет о ментальном уровне, о самосознании народов и каждой личности.

Нынешняя Россия — общество с очень непоследовательной политикой и с не менее запутанным идеологическим обоснованием этой политики. Для национальных «окраин» и этнических меньшинств на территории РФ свойственно включение в политические требования национальных лозунгов и говорить о монокультурном идеале российского государства нереально. Это будет противоречием действительности. Такому развитию будут противостоять не только этническая мобильность меньшинств, но и весомый финансово-экономический потенциал, накопленный за годы совместного развития. Нельзя сбрасывать со счетов и потоки трудовой миграции, которая приводит к смешению населения.

Не продуктивны и локальные этнократии, стремящиеся утвердиться в некоторых автономиях. Идеал этнокультурной однородности не достижим по чисто демографическим причинам, так как даже в национально-территориальных объединениях титульные этнические группы чаще всего составляют менее половины населения. Кроме того, такой вариант не выгоден с точки зрения экономического развития, так как приведет к оттоку квалифицированной рабочей силы. Немаловажно и то, что именно из этих регионов мигрирует значительная часть населения в поисках более приемлемых условий для жизни, а живущие в «русских» землях сородичи не слишком желают возвращаться в «свою» республику.

Миграция в Россию исчисляется сегодня сотнями тысяч, и многие приезжающие не склонны рассматривать Россию как временное пристанище. Этот процесс будет продолжаться, и нет никакого сомнения, что под его влиянием культурная разнородность российского населения будет только возрастать. В такой ситуации держаться за монокультурный идеал, «а именно за образ России как русско-православной страны означало бы проявлять чудовищную глухоту к реальности»⁴.

Конечно, сосуществование множества культур в рамках единого Основного закона не может протекать совсем бесконфликтно. Поэтому в России неизбежны поиски этнокультурного, межнационального компромисса, основу

которого как раз и может составить государственная идея. Отечественными этнологами, философами, социологами (В. Тишков, Г. Гусейнов, В. Малахов и др.) предлагается путь сознательного перехода к новой доктрине национальной солидарности, связанной с созданием российской нации на основе двойной (традиционно-культурной) и гражданской идентичности. При этом понятие «русская нация» уже не будет иметь этнического значения (как не имеет этого значения «американская нация, «британская нация» и т.л.).

Общероссийская идентичность — это не только проект, но отчасти уже и реальность. В России всегда существовала двойная идентичность — культурно-этническая и политическая (гражданская). На базе общекультурных традиций в стране уже давно сложилась общероссийская гражданская идентичность — и не только у русских, но и у всех народов, проживающих на территории России, в- или за пределами своих территориальных образований или вовсе их не имеющих.

И, тем не менее, данный проект на государственном уровне еще долго будет оставаться всего лишь мечтой-идеалом.

Для современного человека большую значимость приобрела сегодня проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным отношением к этническим (и другим) различиям.

На деле культурные идентификации современных индивидов гораздо сложнее. Самоидентификация человека с определенной территорией — этнической и политической — всегда имеет иерархический характер. Обычно человек ощущает себя одновременно жителем своей страны, и одного из ее регионов, и конкретного населенного пункта. Некоторые идентичности могут определенное время быть не проявленными и активизироваться лишь при определенных обстоятельствах (например, при возникновении угрозы данной группе). Когда региональная идентичность оказывается сильнее национальной, возникает опасность распада государства (как в случае с бывшим СССР).

Международная миграция ведет к увеличению доли смешанных браков и числа людей с двойной (или множественной) идентичностью. Какое-то время разные идентич-

ности могут мирно сосуществовать в сознании человека, но может наступить и момент нелегкого выбора, становясь причиной кризиса самоидентичности.

Увеличение этнокультурной разнородности — явление, общее для многих стран. И необходимо точно знать, где тот «порог терпимости», за пределами которого начинается процесс дестабилизации, и как его сохранить.

Мультикультурализм как теоретический конструкт не может быть реализован в полной мере на практике в силу противоречия с основной идеологией Запада — индивидуализмом. Провозглашая равенство и значимость культур, предлагается паритетное сосуществование. Принцип конкуренции — основа основ западной цивилизации не может позволить такое равнозначие. Тем более, что этнические культуры не могут тягаться с национальными образованиями, которые, впрочем также состоят из отдельных этносов, но слитых по определенным причинам воедино. Одни сообщества малы, как по численности, так и по уровню своего развития; другие занимают громадную территорию и представляют конгломерат народностей, связанных единой целью сосуществования в данном пространстве.

Мультикультурализм как реальность возможен при высоком уровне как личностного, так и государственного сознания. Такой уровень характеризуется прежде всего осознанием общности развития человечества, необходимостью всерьез заботиться об общем «доме» — планете Земля, действовать сообща, ставя своей целью творческое сотрудничество для улучшения жизни всех обитателей нашего мира. А это исключает претензии на превосходство, силовые варианты решения определенных проблем, экономический расцвет одних наций за счет других. Готово ли человечество к такому сотрудничеству, без обманов и лицемерия, без попыток навязывания своей воли и стандартов, как единственно возможных образцов жизни, без двойных стандартов?

Этнокультура, как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способна сохранить уникальность только в рамках диалога, и при условии опоры на общечеловеческие нравственные ценнос-

ти, а именно: уважение себя и себе подобных, умение понять себя через других.

Иными словами, речь идет о таком взаимодействии, которое, имея интегрирующие основания, не подменяется ассимиляцией. Каждая культура отстаивает свою идентичность, открываясь в то же время широкому внешнему заимствованию. «Возникает явление неслиянности-неразделенности, культуртрегерство превращается в культуротворчество, изменения разворачиваются на основе глубинных потребностей. В результате культуры дифференцируются изнутри, и каждая становится — в той или иной мере — **культурного многообразия**»⁵.

Примечания

¹ *Кирбанев Н.С.* Мультикультурализм // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 640.

² www.tolerance.ru

³ Подробнее см.: www.tolerance.ru

⁴ *Малахов В.С.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002. С. 56.

⁵ *Гордон А.В.* Культура многообразия — явление современного цивилизационного процесса / Материалы научной конференции «Межкультурный диалог в историческом контексте». М., 2003. С. 205.